

Кучева Анастасия Викторовна

**КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ К
ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ**

В статье анализируется современная социологическая теория культурной травмы, возникшая в результате переноса понятия "психическая травма" в социальные науки; формулируются основные признаки, составляющие дефиницию термина; рассматривается возможность использования концепции культурной травмы в интерпретации последствий масштабных исторических событий, имеющих негативные последствия для человека.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/8/32.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(70) С. 118-120. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(47).084.8

Исторические науки и археология

В статье анализируется современная социологическая теория культурной травмы, возникшая в результате переноса понятия «психическая травма» в социальные науки; формулируются основные признаки, составляющие дефиницию термина; рассматривается возможность использования концепции культурной травмы в интерпретации последствий масштабных исторических событий, имеющих негативные последствия для человека.

Ключевые слова и фразы: психическая травма; культурная травма; травмирующие переживания; память; травматический опыт.

Кучева Анастасия Викторовна, к.и.н.

*Пермский национальный исследовательский политехнический университет
kucheva.a@mail.ru*

КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-21-19002.

В современных научных исследованиях отмечается, что насыщенность XX века существенными и тяжело переживаемыми социальными изменениями привела к широкому распространению понятий *травма*, *травмирующие переживания*, *травматический опыт*, используемых при осмыслении масштабных исторических событий и их последствий для человека.

Понятие травмы пришло в гуманитарные науки из медицины, с конца XIX века травма, понимаемая как нервное потрясение, изучается психологами, психиатрами и психоаналитиками, а в XX веке травматический опыт стал предметом анализа исследований по социологии, что привело к формированию теории культурной травмы.

В настоящее время актуальными остаются вопросы о том, насколько оправданным является использование медицинской терминологии в гуманитарных науках и какие изменения претерпело содержание термина в результате его переноса в другую сферу научного познания. Целесообразным представляется осмысление возможности применения парадигмы культурной травмы к интерпретации негативных последствий глобальных исторических событий отечественной истории, таких как Великая Отечественная война.

Как уже отмечалось, отправной точкой для формирования концепта «культурная травма» послужило понятие о психической травме, понимаемой как индивидуальное нарушение, возникшее в результате вреда, нанесенного психическому здоровью человека интенсивным влиянием неблагоприятных факторов среды или остроэмоциональных, стрессовых воздействий других людей на его психику [7, с. 31]. Преодоление подобного воздействия осуществляется при помощи механизма самозащиты, в результате чего травмирующее событие может инкапсулироваться сознанием, то есть долгое время пребывать в латентном состоянии [4, с. 58].

Представление о специфике культурной травмы, интегрировавшей в себе сущностные признаки понятия «психическая травма», основывается на понимании культуры как важнейшего феномена социальной жизни, который пронизывает все сферы общества, определяет уровень технического прогресса, оказывает влияние на отношения между людьми, служит опорой для развития этики и права, совершенствования нравов [3, с. 58].

Основные аспекты парадигмы культурной травмы разработаны представителями современной западной социологической теории, получившей название культуросоциологии. Дж. Александер, Ф. Смит, Р. Айерман, П. Штомпка, Н. Смелзер, Б. Гизен проанализировали причины возникновения культурной травмы, способы фиксации ее существования в обществе, влияние на последующие поколения травмированной памяти, способы преодоления негативных последствий травмирующих событий.

Культурная травма, по определению Н. Смелзера, представляет собой захватывающее и подавляющее событие, которое подрывает или подавляет один или несколько ключевых элементов культуры или культуру в целом [1, с. 64]. Социальный кризис, по мнению Дж. Александера, становится культурной травмой, если он осознается обществом как травма, т.е. соответствующим образом интерпретирован [3, с. 275]. Подобные травмы, по мнению Р. Айермана, начинаются с разрыва установленных оснований коллективной идентичности, что может полностью уничтожить коллектив или в лучшем случае потребует переописания основных для сообщества мифов и верований [2, с. 134], регулирующих жизнь общества, создающих включенность каждого в социум, обеспечивая тем самым существование в определенных рамках культурных предписаний.

Результаты культурных травм, по мнению Б. Гизена, сказываются не только на тех людях, которые непосредственно пережили ее, но и на последующих поколениях, несмотря на то, что они не принимали непосредственного участия в событиях и не были их свидетелями. Травма сохраняется и у них, поскольку их идентичность строится внутри данного сообщества. И то, каким образом они справляются с ней, формирует их идентичность [11, с. 115].

Наиболее близкой к исторической проблематике оказалась теория культурной травмы, разработанная П. Штомпкой. Исследователь считает, что культурная травма – это рана, нанесенная самой культурной ткани

и интерпретированная культурой как таковая [12, с. 11]. По мнению данного автора, травма одновременно объективна и субъективна: она выступает и как событие, и как результат интерпретации этого события [Там же, с. 9]. Травма там, где культурные несоответствия или несовместимости, напряжения и столкновения восприняты и переживаются как проблема, нечто беспокоящее, болезненное, требующее исцеления [Там же, с. 13].

П. Штомпка пришел к выводу, что культурная травма – это динамично развивающийся процесс, который подразделяется на несколько стадий: структурное и культурное прошлое; травматические ситуации; особые способы определения, интерпретации или толкования травматических событий посредством фонда унаследованных культурных ресурсов; травматические симптомы, то есть определенные схемы поведения и представлений; посттравматическая адаптация; преодоление травмы [Там же, с. 8].

Травма, подчеркивает П. Штомпка, – коллективный феномен, состояние, переживаемое группой, общностью, обществом в результате разрушительных событий, трактуемых как культурно-травматические. Травма действует на коллектив и не может быть индивидуальным нарушением. Социум может поразить биологическо-демографическая травма (эпидемия, голод, резкий рост смертности, падение рождаемости и т.п.), социально-политическая травма (анархия, крах рынка, революция) и культурная травма (падение основополагающих ценностей и поведенческих моделей). Наиболее опасной П. Штомпка считает культурную травму, обладающую «самой сильной инерцией» [Там же, с. 10].

Опираясь на теоретические концепции Р. Мертона и Э. Гидденса, П. Штомпка разрабатывает две стратегии совладения с травмой – активная адаптация и пассивное приспособление. Активная адаптация является конструктивным способом «переживания» травматического воздействия, позволяющим его преодолевать. К подобным типам адаптации относятся инновация и бунт, описанные Р. Мертоном, и «жесткая борьба против выявленных источников опасности», как определяет ее Э. Гидденс. К непродуктивным стратегиям совладения с травмой П. Штомпка причисляет выделенные Р. Мертоном ритуализм и ретриатизм, дополняя их типами противодействий нестабильности по Э. Гидденсу, – прагматическим отношением с сознательным подавлением беспокойства; оптимизмом, т.е. верой в то, что все как-то образуется; циничным пессимизмом [Там же, с. 15].

В настоящее время проблематика происхождения, развития и влияния культурных травм на жизнь индивидов и коллективов оформилась в направление “trauma studies” [8]. Исследования такого рода осуществляются на стыке психологии, социологии, теории литературы, культурологи и истории, носят междисциплинарный характер. Использование концепта культурной травмы способно объяснить, по мнению ученых, ряд негативных или дисфункциональных последствий в обществе, которые прежде не поддавались аналитическому расчленению [6, с. 278].

Обращение к парадигме травмы можно считать продуктивным применительно к историческим исследованиям, поскольку любое существенное историческое событие может быть охарактеризовано как социально-политическая травма (в терминологии П. Штомпки), сопровождаемая культурной травмой.

Травматические моменты прошлого в соответствии с современными социальными теориями вытесняются в зоны антипамяти, происходит так называемая блокировка памяти, наступает латентный период. Исследователи обращают внимание на проблему несвободы последующих поколений от травматического прошлого. Изучение преодоления травматических событий актуально для истории нашей страны, «где долгие годы предпочитали не помнить» [9, с. 9], где в зоне антипамяти оказалось слишком много событий, следовательно, катастрофический опыт не был интегрирован в общественное сознание и приобрел черты непроработанной коллективной травмы.

Примером подобной коллективной травмы можно считать Великую Отечественную войну. Героизированная политика истории, необходимая для легитимации политического режима, приводит к ситуации, которую исследователь Л. Гудков характеризует следующим образом: «непобедная, негосударственная сторона войны, вся ее тяжесть, человеческий страх ушли в своего рода “подсознание” общества (“слепое пятно” его официальной памяти)» [5, с. 38]. Безусловно, особую роль в вытеснении травматического военного опыта сыграла идеология коллективизма. Идеологемы жертвенности, героизма, стойкости были призваны вытеснить внимание к индивидуальным проблемам, вследствие чего проработки травмы не произошло, «переживание боли» было отодвинуто в зону молчания [10, с. 36]. Многие психологи, характеризуя подобную ситуацию, употребляют термин «травмированная память».

В преодолении психотравмирующей ситуации культурной травмы терапевтический эффект может иметь интерпретация семейной памяти как основы неофициальной идентичности. А. Ассман приходит к выводу, что в терапевтических целях необходимо за счет артикуляции высвободить травму из ее непрозрачного ядра и сделать частью сознательной идентичности [4, с. 58]. С этой целью особенно актуальным будет использование устных исторических источников как способа выхода индивидуальных травмированных воспоминаний. Повседневность, отраженная в устных историях преодоления травмирующих событий, позволяет проследить пути восстановления утраченной идентичности, способы преодоления травмы, выхода из нее. Восприятие войны как подвига и победы могут дополнить личные истории горя, ужасов, всего того, чем наполнена военная и послевоенная повседневность.

Таким образом, обобщая исследования последних десятилетий в области изучения социального травматического опыта, можно заключить, что перенос данного методологического подхода в сферу исторических исследований может быть продуктивным, в частности, при использовании устных исторических источников, анализ которых позволит видеть в масштабных исторических изменениях деструктивные последствия, оказываемые ими на отдельных членов социума, и стратегии их преодоления.

Список литературы

1. Аарелайд-Тарт А. Теория культурной травмы (опыт Эстонии) // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 63-72.
2. Айерман Р. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 121-138.
3. Александер Дж. Смыслы социальной жизни. Культуросоциология. М.: Практикс, 2013. 640 с.
4. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
5. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. М.: Новое литературное обозрение; ВЦИОМ-А, 2004. 816 с.
6. Добренъков В. И., Кравченко А. И. Фундаментальная социология: в 15-ти т. М.: ИНФРА-М, 2007. Т. 11. Культура и религия. 1104 с.
7. Мазур Е. Психическая травма и психотерапия // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 1. С. 31-52.
8. Мороз О., Суверина Е. Trauma studies: история, репрезентация, свидетель [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение № 125 (1/2014). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/4502> (дата обращения: 26.09.2015).
9. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 784 с.
10. Ушакин С. «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты: сборник статей / сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5-44.
11. Хлевнюк Д. Бернард Гизен. Триумф и травма // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 2. С. 112-117.
12. Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6-16.

**CONCEPTION OF CULTURAL TRAUMA AND POSSIBILITY
OF ITS APPLICATION TO HISTORIC EVENTS INTERPRETATION**

Kucheva Anastasiya Viktorovna, Ph. D. in History
Perm National Research Polytechnic University
kucheva.a@mail.ru

The article analyzes a contemporary sociologic theory of cultural trauma that appeared as a result of the transfer of the notion “psychic trauma” in social sciences. The main features making up the term definition are formulated. The possibility of using the conception of cultural trauma in the interpretation of the consequences of large-scale historic events having negative consequences for a man is examined.

Key words and phrases: psychic trauma; cultural trauma; traumatic feelings; memory; traumatic experience.

УДК [62:1](075.8)

Философские науки

В статье анализируются современные философские концепции будущего техники и техники будущего: механология Ж. Симондона, технотеология М. Куртова, концепция машинной экологии Ф. Гваттари, футурологическая онтология Л. Брайанта, концепция производящей время техники Б. Стиглера. Рассматривая вопрос о технике будущего, авторы выдвигают на первый план проблему «технэ» как искусства создания времени и полагают, что будущее техники не предопределено, но решается в порядке «творческой эволюции».

Ключевые слова и фразы: техника будущего; будущее техники; философия техники; механология; технотеология; машина; автопойэзис; энтропия; негэнтропия.

Кучинов Евгений Владимирович, к. филос. н.
Закаблукровский Евгений Викторович, к. филос. н.
*Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина (Мининский университет)*
ezakablu@mininuniver.ru

ТЕХНИКА БУДУЩЕГО (СИМОНДОН, ГВАТТАРИ, БРАЙАНТ, СТИГЛЕР)

В словосочетании «техника будущего» слышится двоякое: это и *техника, которая грядет*, которая возникнет в будущем и станет его основанием; и *техника производства будущего*.

Первая тема важна настолько, насколько сохраняет настоятельность хайдеггеровский «вопрос о технике», также содержащий две апоретические линии, направленные в будущее: линию «опасности» и линию «спасительного» [8, с. 306-330]. Что в технике (или в отношении к ней человека) губительно в своем развитии? Что в технике спасительно? Есть ли у техники будущее? Эти вопросы имеют принципиальное значение для тех вариантов философий будущего, которые учитывают хайдеггеровскую мысль, удерживающую обе линии в их взаимосвязи.

К сожалению, все еще много говорится об опасностях техники, с простым – и то в лучшем случае – переносом хайдеггеровских опасений на современность: на компьютеры, цифровые технологии и виртуальную реальность. Эти неолуддитские концепции придется оставить за скобками нашего обзора, к тому же данная проблематика достаточно подробно изложена в недавнем исследовании одного из авторов этой статьи [2, с. 16].